почему, между прочимъ, въ разныхъ статьяхъ этого сборника, при общности основныхъ религіозныхъ мотивовъ, отражается и различіе индивидуальнаго воспріятія отъ личности Толстого, и было бы прямо безсмысленно стремиться къ тому, чтобы стереть эти индивидуальныя черты, въ которыхъ выражается непосредственность личнаго переживанія.

Насколько мы, живущіе, стараемся искренно разобраться въ религіозномъ міровоззрѣніи Толстого, отдѣлить въ немъ правду отъ лжи, добро отъ зла, временное отъ вѣчнаго, мы продолжаемъ, въ мѣру силъ своихъ, и его собственное религіозное дѣло. Исповѣдуя безсмертіе души и отвѣтственность каждаго за все сдѣланное имъ въ этой жизни, мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что такая работа не остается безразлична и для самаго отшедшаго, и для той невѣдомой намъ жизни, которая составляетъ удѣлъ его въ иномъ мірѣ. И насколько намъ, живущимъ, удается раскрывать себѣ и другимъ его заблужденія, соблазняющія людей, приносящія вредъ ихъ душѣ, мы тѣмъ облегчаемъ и его отягченную этимъ сознаніемъ совѣсть, а насколько мы принимаемъ въ свою душу добро, имъ въ мірѣ посѣянное, то и въ его душѣ это добро возрастаетъ. Намъ кажется, что такое отношеніе болѣе соотвѣтствуетъ и собственному религіозному міропониманію Толстого, нежели модное поклоненіе ему, соединяющееся съ внутреннимъ равнодушіемъ.

Поэтому именно въ борьбѣ съ толстовствомъ, какъ религіозною доктриной, и выражается наше почитаніе Толстого, а выясненіемъ ея односторонности, ограниченности, наконецъ, противохристіанскаго ея устремленія мы хотимъ служить его же великой задачѣ,— религіознаго пробужденія современнаго общества.

Въ этихъ чувствахъ и мысляхъ возлагаемъ мы этотъ словесный вѣнокъ, посвященный памяти Толстого, со знаменіемъ креста на безкрестную его могилу.